

1947

Тогда нам не хватало хлеба, мучительно болели раны, нанесенные войной и культом личности. Но люди не меньше, чем в хлебе, покое, нуждались в осмыслении пережитого.

Шел бурный процесс общественного самосознания.

Н

ародная артистка СССР, Герой Социалистического Труда Елена Николаевна Гоголева — живая легенда советского театра. Первого августа 1918 года она стала актрисой Малого театра, а весной нынешнего года, в 87 лет, вновь сыграла премьеру!

...Когда я вошел в квартиру, хозяйка просматривала свежие газеты.

— Не понимаю, как можно жить только интересами своего театра! Если я не прочитаю газету или не посмотрю программу «Время», можно сказать, день для меня потерян. Актёру нужно знать жизнь — иначе что он даст людям?

Наш разговор начался с воспоминаний Елены Николаевны о войне. Она много выступала в действующей армии, госпиталях, в тылу. Гоголева хорошо помнит, как узнала о Победе. Актриса участвовала в концерте в помощь пострадавшим от войны семьям, который проходил в Большом зале консерватории.

— После концерта за кулисами нам принесли чай. И вдруг кто-то вбежал: «Берлин взят!» Конечно, мы ждали этого сообщения, готовились к нему, а все же не верилось в такое счастье. Концерт был днем, а вечером в антракте спектакля Малого театра сообщение о взятии Берлина было объявлено публике кем-то из актёров. В тот день у нас шел спектакль «Иван Грозный». После спектакля актёры с трудом пробились через ли-

зались бы, смешной случай. Но, право же, в том, что два тракториста посреди необозримой степи слушали концерт артистки, было что-то значительное.

Поездки в Казахстан стали событием в моей жизни. Даже в отпуск я однажды поехала на целину и использовала его, бесплатно выступая перед покорителями степей. До сих пор не перестаю восхищаться первоцелинниками. Это были мужественные люди. В суровых условиях, при полном отсутствии каких-то удобств, комфорта они не теряли оптимизма, который помогал справиться с трудностями, самоотверженно работать...

Давнишня мечта Елены Николаевны — играть своих современниц осуществилась в конце сороковых годов. Ее роли той поры — актриса Горелова («За тех, кто в море» Б. Лавренина), врач Клавдия Лаврова («Великая сила» Б. Ромашова), секретарь райкома Полозова («Московский характер» А. Софронова) вызвали самый высокий общественный резонанс — за каждую из них

...В доме у Елены Николаевны множество подарков, сувениров от поклонников ее таланта. С особой гордостью показывает хозяйка подарки от военных и моряков. Среди них — ваза, в нижней части которой помещен миниатюрный аквариум, на пластине надпись: «От Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского». Дружба эта завязалась во время войны. Вскоре после победы Гоголева становится председателем Центральной комиссии по культурному шефству над Вооруженными Силами.

— Эту работу я всегда выполняла с особым удовольствием. Хотелось выразить свою благодарность военным за победу в той страшной войне. На фронте сражался и мой сын, он был летчик-штурманом. От концертов в воинских частях я никогда не отказывалась. Побывала на всех погранзаставах. Помню, на финской границе мы долго-долго добирались до места назначения. Я была удивлена: как же так, проехали ог-

● Е. Н. Гоголева в роли леди Макбет (1955 год).

Фото И. Ефимова.

Актриса

Елена ГОГОЛЕВА

кующую толпу. Люди обнимались, плакали. На Красной площади — непрерывный салют.

После Победы совсем другой стала духовная атмосфера в стране, в нашем искусстве. Словно что-то разрядилось, улучшилось в самом воздухе вокруг нас. Удивительно ли, что народ с энтузиазмом взялся отстаивать страну из руин. Уж если в такой войне победили — неужели и с этим делом не справимся! Все мы знали, что впереди — долгие мирные годы, и сознание это придавало всем нам, людям того времени, силы и уверенность в завтрашнем дне.

В 1948 году актриса вступила в партию. Елена Николаевна поясняет: подала заявление еще в конце тридцатых, когда была депутатом Моссовета, председателем месткома театра, однако тяжело заболела, вынуждена была расстаться во время с работой и потому решила отложить вопрос о вступлении в партию до полного возвращения в строй. После войны Елена Николаевна вновь избирается депутатом Моссовета.

— В то время особенно трудно было с жильем, — вспоминает Гоголева. — И после спектакля я часто отправлялась не домой, а в Моссовет, к Михаилу Алексеевичу Яснову, председателю Мосгорисполкома. Он почти всегда работал до утра (тогда так было принято) и иной раз сердился: «Вы опять здесь? Я распоряжусь, чтобы вас больше не пускали в здание Моссовета». И все-таки всегда старался помочь, хотя иногда и приходилось лишний час прождать у кабинета...

Я смотрю на актрису, слушаю ее грудной, богатый оттенками голос, вижу, как она оживает при воспоминаниях о давно минувших днях. Да, успокоенность, довольство собой чужды этому человеку.

— Помню, когда началось движение по освоению целины, я, как и другие деятели искусства, поехала с концертами в казахстанские степи. В Семиозерном поселили меня вместе с девушками-целинниками. Жара, огромная степь, а посреди степи — наш вагончик... Война закончилась совсем недавно, и люди как-то по-особому тянулись друг к другу. Мы жили, как большая дружная семья. Когда я возвращалась поздно вечером с концертов, девушки и рабочие старались не шуметь, дать мне отдохнуть. Их внимание ко мне невероятно трогало, и я понимала, что в ответ должна дать им как можно больше. И вместо отдыха мы спорили, обсуждали новости... В те дни происходило наше взаимное внутреннее наполнение духовностью. Я остро чувствовала тягу людей к искусству, видела их благодарные лица и была счастлива, что наше творчество им необходимо. На целине нам приходилось выступать порой в самых неординарных условиях. Как-то приезжаю в поле — никого нет. Удивленно спрашиваю шофера: «Так кому же я читать-то буду?» — «Вот вы здесь стойте, к вам подъедут», — невозмутимо отвечает он. И действительно, через некоторое время подъезжают два трактора. Быстро победав, трактористы تريد ждать начала концерта. «А еще кто-нибудь придет?» — недоумевала я. «Все уже на месте», — бодро прозвучал ответ. Так, для двух трактористов, и состоялся тот мой концерт. Ка-

она получила Сталинскую премию. А что думает Елена Николаевна об этих ролях сегодня?

— Если честно, они хороши были лишь тем, что отвечали времени. Но, увы, эти роли оказались узки, плакатны, в них не хватало глубины, мне не во что было вложить душу, свои чувства, знание людей, судеб. А так хотелось сыграть яркие человеческие характеры, столько примеров было в жизни! Жил в памяти подвиг славных летчиц Расковой, Гризодубовой, Осипенко; на фронте, во время выступлений с концертной бригадой, я подружилась с летчицей Аннушкой Чиженковой, удивительно отважным, красивым человеком...

На мгновение задумавшись, Елена Николаевна продолжает:

— Авторы, вероятно, и не стремились к особой глубине, анализу событий, мыслей, которые всеми нами владели. Сложные и противоречивые явления действительности были недоступны сцене, о многом больном, тяжелом умалчивалось, преобладал парадный стиль, а значит, фальшь была неминуемой. Что греха таить, многие старались не думать тогда о неприятностях, о странных и трудных событиях. От сомнений спасала работа. До 1956 года я не догадывалась о многих вещах. Для меня, как и для большинства советских людей, смерть Сталина казалась трагедией, невосполнимой потерей...

XX съезд партии на многое открыл глаза. Те, кому так долго приходилось молчать, прятать свои мысли и чувства, смогли теперь ярко и остро выразить накопившееся. В литературе, кинематографе, на театральных подмостках появились герои с реальной судьбой, реальными заботами; новые по природе конфликты, драматические сплетения открывались в повседневной, будничной жизни. Все это волновало, будоражило, рождало надежды. Но, как ни парадоксально, в Малом театре по-прежнему ставились условные пьесы с условными персонажами, проблема современного репертуара оставалась нерешенной еще многие годы.

Наверное, не случайно, испытав разочарование от «плакатных» ролей, Елена Николаевна Гоголева перестает участвовать в подобных постановках; она с удовольствием играет в пьесах Островского, в «Макбете» Шекспира, «Привидениях» Ибсена — в Малом театре тогда вновь начали активно ставить классику, а классика, к счастью, не стареет.

О том, какой была Гоголева — леди Макбет, можно судить из письма, присланного актрисе в декабре 1955 года Борисом Пастернаком: «...Мне кажется, будто Вы и есть леди Макбет подлинника, будто Шекспир писал ее с Вас, будто он Вас переводил на английский. Но это еще не высшая похвала. А высшая — это когда... уходя со спектакля, зритель выносит впечатление, будто не смотрел Вас в Вашей, часами измерявшей роли, а прожил век вместе с Вашей дерзостью и Вашим горем. Так это и было. Какой стремительный и большой шаг в преддверии нового года, какой взгляд вдаль, какое предзнаменование! Слава Вам!»

ромное расстояние, и нет ни одного поста, часового? «Как нет? Мы все время мимо них ехали — просто им не полагается быть замеченными», — слышу в ответ.

На какое-то мгновение Елена Николаевна умолкает. Может быть, подумала о внуке, который сейчас служит в армии...

— Знаете, — вдруг говорит актриса, — мне всегда везло на хороших, интересных людей, удивительно везло.

Наверное, этот редкий дар — притягивать к себе людей — неотделим от таланта настоящего художника. Всю жизнь отдавать себя другим и не переставать учиться у них — может быть, это и определяет, и формирует крупную личность.

Мы говорим о литературе, о любимом современном писателе Гоголевой — Валентине Распутине, о его последней повести «Пожар».

— А роман Гранина «Зубр» напомнил мне о давнем друге — академике Петре Леонидовиче Капице. Мое представление о физике, как замкнутом «кабинетном» ученом, целиком поглощенном своими опытами, напроочь рассеялось после нашего знакомства с ним (это было перед войной). Петр Леонидович оказался чрезвычайно разносторонним человеком, замечательным собеседником с большим чувством юмора. Несмотря на свою загруженность, он часто ходил в театр и хорошо знал московский репертуар. Однажды Петр Леонидович, рассказывая мне о каком-то своем открытии в области гелия, привел меня в лабораторию, и я увидела нечто огромное и излучающее холод, напоминающее большую белоснежную глыбу. «Это и есть гелий!» — торжествующе произнес он. Таким Капица и остался в моей памяти — гордый за свое открытие, радующийся, как ребенок, что он показывает его нам, своим друзьям.

Говоря о друзьях, Елена Николаевна называет замечательную грузинскую актрису В. Анджапаридзе: «Каждый приезд в Тбилиси становился для меня праздником, когда встречалась с Верико, актрисой, которую я боготворила».

Идеалом в искусстве для Гоголевой всегда оставалась Мария Николаевна Ермолова. В 20-х годах вместе с Ермоловой выходила она на сцену в спектакле «Холопы» П. Гнедича. Сейчас, спустя более чем полвека, Елена Николаевна вновь играет в этой пьесе, но теперь уже (и это особенно дорого для актрисы) — роль, в которой выступала сама Ермолова.

— Я никогда не заканчиваю на премьере работу над спектаклем, стараюсь включить в нее зрителей, внимательно слежу за реакцией зала. И работу над «Холопами» не считаю пока законченной — поиск продолжается.

Работа над ролью продолжается и в буквальном смысле слова: недавно начались съемки фильма-спектакля «Холопы» для Центрального телевидения. В издательстве «Искусство» готовится новая редакция книги мемуаров Гоголевой, дописаны две новые главы.

— Порой ночи напролет мучаешься, пытаешься найти решение, отыскать единственно верный ответ. И для роли, и для жизни.

Семьдесят лет отдано сцене, Малому театру. Сколько ролей сыграно за эти годы — блистательно, неповторимо, — сколько сил отдано общественной работе, людям! Есть актёры, которые верой и правдой служат театру, посвятив себя ему целиком, без остатка. Но лишь немногим выпадает счастье в судьбе своей запечатлеть время.

Вадим ВЕРНИК.

1957